
МОЕ МНЕНИЕ

Л. Н. Харченко, И. Е. Панова

Инновации в образовании и российские синдромы

В статье с опорой на мнение ученых и специалистов из различных стран обосновывается роль инноваций и инновационных процессов для современной социально-экономической системы государства. Выявляются различия в подходах к пониманию инноваций в России и других странах. Основное внимание обращено на синдромы (интегральной близорукости, тканевой несовместимости, Шарикова и др.), которые являются признаками болезненного состояния российской экономики и социальной сферы и которые в значительной степени препятствуют позитивному развитию инновационных процессов, в том числе в образовании и науке. Представлены авторские интерпретации определений понятий «инновация», «инновационный процесс», «российские синдромы».

Ключевые слова: инновация, инновационный процесс, российские синдромы.

Роль инноваций в современном социально-экономическом развитии хорошо отражена в правиле, о котором пишет Дж. Христиансен [8]. По его мнению, великая волна инноваций, прокатившаяся из таких отраслей, как электроника, разработка программного обеспечения, телекоммуникации, химия и биология, затронула все отрасли во всех местах планеты. Раньше существовало правило: «Не осуществляй инновации до тех пор, пока не будешь вынужден это сделать». Сегодня действует правило: «Инновации или гибель!» Аналогичные мысли высказывают Н. Chesbrough [7] и Е. Н. Schein [12].

Анализ показал, что в развитых странах 70—85 % прироста валового внутреннего продукта приходится на долю новых знаний, воплощаемых в инновационных технологиях производства и управления. В настоящее время инвесторы уделяют инновациям больше внимания, чем слияниям и приобретениям, изменениям стиля лидерства, поиску новых возможностей для сокращения затрат. Так, опрос ведущих бизнес-аналитиков, проведенный компанией Arthur D. Little, показал, что 90 % опрошенных экспертов считают, что важность инноваций существенно возросла. При этом 70 % бизнес-аналитиков отмечают инновации как ключевую детерминанту оценки компании рынком [11].

В то же время Дж. Христиансен [8] пишет и о том, что инновационные процессы во многих компаниях протекают слишком тяжело, поскольку управленческие системы компаний не только не способствуют инновационным процессам, но и замедляют или даже блокируют их, а иногда полностью убивают инновации. Подтверждение сказанному находим в результатах опроса, проведенного компанией Arthur D. Little. Так, 85 % из 700 компаний, включенных в исследование, не были удовлетворены своим подходом к управлению инновациями. Совсем немногие участники опроса считают, что они умеют эффективно управлять инновациями.

Исследователи инновационных процессов, происходящих в России [2] и российском высшем образовании [5; 7], а также ряд действующих в российском правовом поле нормативно-правовых документов (Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года, Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года и др.) напрямую указывают на комплекс проблем,

сложившихся в сфере управления инновационными процессами. Как нам представляется, проблемы носят российский оттенок и имеют системный характер. Цель данной публикации — раскрыть глубинные причины существующих и постоянно возникающих проблем в управлении инновационными процессами. Мы назвали их «синдромами», поскольку они не поддаются прямому наблюдению.

Содержание вопросов, обсуждаемых в рамках данной статьи, получено авторами из многообразных источников и обработаны с использованием контент-анализа. Контент-анализ осуществлялся в следующей логике:

- 1) изучение различных источников (научная и публицистическая литература, СМИ, нормативно-правовые акты, выступления руководителей, мнение экспертов, субъективный научно-педагогический опыт авторов), содержащих сведения о состоянии системы высшего образования в России, инвариантных по структуре и существу содержания, но внешне бытующих как несистематизированный, беспорядочно организованный текстовый материал;
- 2) количественный и качественный анализ текстов и текстовых массивов, материалов интервью с целью последующей содержательной интерпретации выявленных закономерностей;
- 3) восхождение от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания текста (формулировка понятийно-категориального аппарата в форме российских синдромов).

Обращение к проблеме критического анализа «российских синдромов» (греч. *syndrome* — стечение; закономерное сочетание симптомов, характерных для какой-либо болезни или ее стадии), определяющих развитие инновационных процессов в образовании, — это попытка ответить на вопросы: почему последние два с половиной десятилетия ушедшего XX в. и 15 лет текущего столетия Россия и российская система образования, достигшие вершины своей истории в 50—70-е гг. XX в., утратили свои преимущества? Какие были допущены стратегические ошибки? Почему был неправильно выбран курс и страна двигалась не вперед, к постиндустриальному обществу и обществу знаний, а назад, в эпоху первоначального накопления капитала и стихийной игры рыночных сил, а систему образования захлестнула волна бесчисленных, незавершенных и неэффективных преобразований?

Обсуждаемые синдромы, которые были впервые предложены авторами в недавних публикациях [5], не бросаются в глаза, как говорится, при первом приближении, и только глубокий анализ позволяет увидеть их и установить их роль в жизнедеятельности государства и системы образования. Все исследуемые синдромы в процессе их изучения получили афористические наименования, что делает их более точными, понятными и запоминающимися даже для обывателя.

Прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно синдромов, необходимо обратить внимание на этимологию понятий «инновация» и «инновационный процесс». Исследования показали, что проблеме инноваций посвящен ряд изданий, в том числе и фундаментальных монографий. Однако анализ показывает, что смыслы, которые вкладываются в это понятие в России и на Западе, не совпадают. Из работ западных исследователей [9; 10; 11] следует, что инновация является, прежде всего, категорией экономической, социальной и даже личностной, а не только инструментально-технологической. Инновационный процесс в виде технико-организационно-социальной задачи понимается ими как целостная и комплексная проблема.

В российской же практике [4] инновация в подавляющем большинстве случаев представляется не как социально-экономическая категория, а скорее как направление научно-технического прогресса (прежде всего, высокотехнологичной его составляющей), связанное с внедрением результатов научных исследований и разработок в практику. Иными словами, любая научнотехническая деятельность и все, что ее обеспечивает, объявляются инновационными по той лишь причине, что ее (деятельности) целью провозглашено получение результатов, которые предстоит внедрять в производство, продукты, процессы.

Нам близка точка зрения J. Cantwell [6], который определяет инновацию как результат деятельности, воплощенный в новые или усовершенствованные продукты, востребованные рынком, новые или усовершенствованные технологические процессы, используемые в практической деятельности, новые услуги и новые подходы к удовлетворению социальных потребностей.

Мы также поддерживаем мнение С. А. Анина [1] о том, что инновация как экономическая категория выражает отношения по поводу обеспечения интенсивного развития науки и своевременного внедрения ее достижений в практику. Ее величина определяется количеством произведенной наукоемкой продукции в расчете на единицу общественно необходимого труда.

Понятие «инновационный процесс» в нашей интерпретации — это сложный комплекс работ от разработки идеи или новой технологии до ее широкого использования, получения нового продукта и его коммерциализации. Полный цикл инновационного процесса включает в себя следующие последовательно выполняемые работы (стадии): генерирование идеи → проведение исследований → выработку инновационного предложения → разработку инновационного проекта → реализацию инновационного проекта. Эффективность инновационного процесса зависит от того, в какой мере его стадии интегрированы в единое целое и обеспечены достаточным финансированием [5].

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению российских синдромов, важнейшим из которых является синдром «интегральной близорукости». Это пренебрежение, недооценка или, может быть, непонимание в управленческой среде механизмов взаимовлияния науки, образования, производства, бизнеса и их суммарного интегрального эффекта на происходящие в стране социально-экономические процессы. Поэтому изменения (модернизации, перестройки, реформы), проводимые в экономике, социальной и правовой сферах, науке, образовании, но не имеющие целевого единства, нивелируют благие намерения. Примером может служить система образовательных стандартов, существующая в стране, которая не имеет финансово-экономического обоснования, не отвечает запросам (поскольку не согласована с ними) потребителей образовательных услуг (самих обучающихся, работодателей, профессиональных групп) и целевым ориентирам развития экономики и страны в целом.

Следующий синдром — «синдром бегемота в посудной лавке» — характеризует российскую экономику, которая формировалась в советское время в виде крупных или очень крупных предприятий (иногда в единственном числе) и поворот которой к рыночным отношениям затруднен, поскольку крупные предприятия модернизируются гораздо медленнее и требуют больших материальных затрат. Остановка таких гигантов приводит к остановке целых производственных цепочек, разрушению налаженных экономических связей, т. е. можно представить себе, сколько перебил бы посуды в посудной лавке бегемот, если бы начал разворачиваться. К сожалению, этот

синдром, выражаясь иносказательно, в настоящее время «мутирует», изменяется в «*синдром слона*», которым можно обозначить процесс быстрого роста транснациональных монополий.

В образовании этот синдром проявляется через процессы реорганизации (оптимизации, а по сути, укрупнения, объединения образовательных организаций). Например создание федеральных университетов, университетских округов путем механического слияния различных вузов и колледжей, процедуры, которые делают неповоротливым управленческий механизм и в связи с постоянными реорганизациями надолго дестабилизируют деятельность (творческую, инновационную, прежде всего) научно-педагогических кадров. Формула проста: экономисты рулят, поэтому вузы, кафедры слить, персонал уволить, нагрузку увеличить. Какие исследования? Какие инновации? Зачем? Педагогика нам скучна, методика неинтересна, психология и вовсе от дела отвлекает. Преподаватель ничему не хозяин.

«*Синдром динозавра*» характеризует неоптимальность размеров и непропорциональность развития экономических образований при еще низком уровне транспортного и информационного обеспечения, т. е. гиперразвитие центра и отсталость окраинных территорий. По мнению ряда ученых, данное обстоятельство привело к распаду огромного государства СССР. Афористическое название синдрома связано с одной из гипотез вымирания крупных динозавров, которые обитали в теплых водах, богатых пищей, и вели малоподвижный образ жизни. Такой образ жизни в течение длительного периода (несколько десятков миллионов лет) привел к гиперразвитию крестцового отдела спинного мозга, пищеварительной и половой систем, но не способствовал развитию головного мозга и органов чувств. Огромное тело динозавров с развитой пищеварительной и половой системами, по сути, осталось без «штаба управления» и связи с окружающей средой.

«Синдром динозавра» в образовании проявляется в том, что управленческие решения (например, «конкурс» на звание «неэффективный вуз»), касающиеся принципиальных проблем развития системы образования, принимаются федеральным центром в условиях явно недостаточной и - необъективной информации о состоянии системы образования, особенно на периферии страны. Не учитывается специфика вуза. Данное обстоятельство приводит к принятию заведомо необъективных управленческих решений.

С одной стороны, «*синдром новой Вавилонской башни*» отражает неопределенность в России с собственностью (федеральной, региональной, местной, общественной, частной, кооперативной и иной) и чехарду с денежными единицами и валютой. С другой стороны, российскому государству (и российскому образованию) необходимо восстановление на международной арене прежнего авторитета и доверия к нашей валюте (и качеству образования). Выражаясь афористично, необходимо строить новую Вавилонскую башню, чтобы быть услышанным и увиденным миром и успешно конкурировать на мировом рынке образовательных и научно-исследовательских услуг.

«*Синдром тканевой несовместимости*» заимствован из медицинской биологии, где его связывают с процессами отторжения тканей при их пересадке от донора к реципиенту. В нашей интерпретации синдром указывает на такие особенности нашей действительности, как отторженность производителя (рабочего) от результатов труда, которые зачастую уходят в песок низкой эффективности и технологичности труда, или, наоборот, привязывание интеллектуальной собственности к ее носителю (ученый, преподаватель вуза) без возможности «внедрения» в жизнь. И в том и в другом случае синдром проявляет себя как следствие еще одного синдрома «*кризиса наемного*

работника», основной причиной которого является отсутствие заинтересованности (прежде всего, материальной) в результатах своего труда. Особенно он проявляется на постсоветском пространстве в государственных учреждениях и организациях.

Карьерный рост, доходы, социальное положение работников образовательной сферы (преподаватели, научные сотрудники, учителя и др.) не связаны (несовместимы) с качеством его труда. Например, зарплата профессора федерального университета составляет 390 долларов в месяц (15 долларов в день). Существующая в образовательных организациях система стимулирования крайне бюрократизирована и так же не объективна.

Следующий синдром именуется *«синдром тяжелых вериг и доспехов»*. Он связан с перегруженностью милитаризованной страны бюрократическим и военно-принудительным аппаратом, который фактически бесполезен. Чрезмерно раздутый чиновничий аппарат (в котором размываются персональный вклад, персональные обязанности, персональная ответственность) и большое число людей в погонах, не производящих, по сути, никаких материальных и духовных ценностей, висят на экономике страны тяжелыми военными рукавицами (веригами) и железными доспехами, не давая подняться ей во весь рост. Возможно, шаги по пути продолжения административной реформы и создания профессиональной армии несколько снимут нагрузку на бюджет страны.

Система органов управления образованием в России, административно-управленческого аппарата в вузах бюрократизирована, колоссальна, в ней развита семейственность. Эта система требует огромных средств на ее содержание, при этом многие организационные, мониторинговые, методические функции (в том числе по проведению разнообразных мероприятий, набору абитуриентов, разработке образовательных программ, огромному числу отчетов, справок и пр., организации практик студентов и даже трудоустройству выпускников) переложены на рядовых преподавателей.

Наконец, еще один синдром — низкой культуры управления на всех уровнях власти, включая уровень образовательной организации и уровень управления учебным предметом, так называемый *«синдром булгаковского Шарикова»*. Шарикову из *«Собачьего сердца»* М. Булгакова никогда не понять смысла инновационных процессов, сколько бы он о них ни говорил. Нужны профессионализм на всех уровнях власти, включая систему образования, гибкость мысли и ее глубина. Чиновник-бюрократ озабочен чувством самосохранения, поэтому изменения в системе, им управляемой, могут быть поддержаны лишь в том случае, если они не затрагивают его собственных интересов.

Следствием вышеназванных общероссийских синдромов, помимо общего тормозящего влияния на инновационные процессы в образовании, являются: хроническое недофинансирование отрасли образования, фундаментальных исследований, работ по содействию научно-техническому прогрессу; низкая заработная плата преподавателей и ученых; происходящий процесс *«брейн-дрейн»*, который, в отличие от аналогичного процесса 90-х гг. прошлого века, теперь коснулся молодых перспективных ученых; снижение численности и ухудшение основных качественных характеристик кадрового потенциала науки; низкая результативность в сфере отечественной науки и многократное превышение экспорта российских научных идей и технологий над импортом зарубежных идей и технологий (примерно, в 18—20 раз), низкое качество образования.

Тем не менее «излечение» страны от названных социально-экономических синдромов возможно, если будет принята стратегия инновационного прорыва, которая востребует концентрации усилий народа, государства, бизнеса, ученых на освоении принципиально новых, конкурентоспособных технологий и продуктов; инновационного обновления критически устаревшего управленческого и производственного аппарата; повышения роли и ответственности государства за реализацию стратегии, за содействие повышению инновационной активности предпринимателей, ученых, конструкторов, молодого поколения.

Если же Россия выберет инерционно-рыночный вариант развития, который основан на всемогуществе рынка при пассивной роли государства, отказавшегося от выполнения своей стратегически-инновационной функции, то будет происходить дальнейшее открытие экономики для транснациональных корпораций, использующих страну как источник энергосырьевых ресурсов и рынок сбыта своей продукции, при растущей угрозе потери самостоятельности страны. При этом система образования будет обслуживать энергосырьевую экономику и все больше будет коммерциализироваться и антигуманизироваться.

Drawing on the opinion of the scientists and experts from different countries the role of innovations and innovation processes for the modern social and economic system of the state is supported in this article. The differences in the approaches to understanding the innovations in Russia and other countries are detected. Much attention is paid to the syndromes (a syndrome of the integral myopia, a hippo in a china shop, a dinosaur, a new tower of Babel, heavy armour and fetters, tissue incompatibility, Sharikov, etc.), which are the symptoms of the ailing Russian economy and social sector and which to a large extent hamper the positive development of the innovation processes, including those in education and science. The author's interpretations of defining the concepts: innovation, innovation process, Russian syndromes — have been presented.

Keywords: innovation, innovation process, Russian syndromes.

Литература

1. Анин, С. А. Инновационные отношения и закономерности их развития : дис. ... канд. экон. наук / С. А. Анин. — Чебоксары, 2009. — 148 с.
2. Инновационно-коммерческая деятельность преподавателя современного вуза : монография / Л. Н. Харченко [и др.] ; под общ. ред. Л. Н. Харченко. — Ставрополь : Сервисшкола, 2011. — 228 с.
3. Кузык, Б. Н. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. — М. : Экономика, 2005. — 624 с.
4. Овчинников, В. В. Наука о практике и малое предпринимательство / В. В. Овчинников, Р. В. Овчинников. — Белгород, 2010. — 112 с.
5. Харченко, Л. Н. Исследование готовности преподавателей вуза к осуществлению инновационной деятельности / Л. Н. Харченко, И. Е. Панова // Мир образования — образование в мире. — № 1. — 2010. — С. 144—148.
6. Cantwell, J. Innovation and competitiveness / J. Cantwell // The Oxford handbook of innovation. — Oxford, 2006. — P. 543—567.
7. Chesbrough, H. Open Innovation / H. Chesbrough. — Harvard Business School Press, 2003.
8. Christiansen, J. A. Building the innovative organization : Management systems that encourage innovation / J. A. Christiansen. — N. Y. : St. Martin's Press, 2000. — 357 p.
9. Drucker, P. F. Innovation and entrepreneurship: Practice and principles / P. F. Drucker. — London : Pan Books, 1986.
10. Etzkowitz, H. The Dynamics of Innovation: from National System and Mode 2 to a Triple Helix of University-Industry-Government / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // Research Policy. — 2000. — Vol. 29, iss. 2. — P. 109—123.
11. Jonash, R. S. The innovation Premium : How next generation companies are achieving peak performance and profitability / R. S. Jonash, T. Sommerlatte. — Cambridge, Massachusetts, 2000. — 151 p.
12. Schein, E. H. Organizational Culture and Leadership / E. H. Schein. — 2nd ed. — San Francisco : Jossey-Bass, 1992.
13. Twiss, B. C. Technological Innovation : Strategies for a New Partnership / B. C. Twiss // R & D Management. — 1989. — Vol. 19, iss. 1. — P. 86—87.